

ЭДМУНД

КРИСПИН

Эдмунд Криспин — псевдоним, под которым писал детективы английский композитор Роберт Брюс Монтгомери (1921—1978). Он создал лишь девять романов и два сборника рассказов, однако они принесли ему всемирную славу классика детективной литературы, а некоторые из них вошли в легендарный список «100 лучших детективов XX века» по версии «Times». С персонажа его романов Джервейса Фена создатели сериала «Доктор Кто» списали своего заглавного героя.

✎ EDMUND ✎
CRISPIN

.....
THE CASE
OF THE GILDED FLY
.....

ЭДМУНД

КРИСПИН

ДЕЛО
О ЗОЛОТОЙ МУШКЕ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
К82

Серия «Золотой век английского детектива»

Edmund Crispin

THE CASE OF THE GILDED FLY

Перевод с английского *А. Калининой*

Серийное оформление *В. Половцева*

Компьютерный дизайн *К. Парсадяна*

Печатается с разрешения The Estate of Rights Limited
и литературных агентств The Peters Fraser
and Dunlop Group Ltd и The Van Lear Agency.

Криспин, Эдмунд.

К82 Дело о золотой мушке : [роман ; пер. с англ.
А. Калининой] / Эдмунд Криспин. — Москва :
Издательство АСТ, 2016. — 320 с. — (Золотой век
английского детектива).

ISBN 978-5-17-095687-6

Молодую актрису Изольду Хаскелл ненавидели мно-
гие, но кто все же решился пойти на ее убийство?

Пока полиция составляет список поклонников и лю-
бовников, чью жизнь Изольда так или иначе разрушила,
Джервейс Фен начинает собственное расследование. Его
единственная зацепка — необычное кольцо с золотой
мушкой, найденное на жертве...

УДК 821.111-312.4
ББК 84 (4Вел)-44

© Rights Limited, 1944
© Перевод. А. Калинина, 2014
© Издание на русском языке
AST Publishers, 2016

ISBN 978-5-17-095687-6

*Посвящается Мюриэль и Джону
donum memoriae causa...**

* Дар в память (лат.). — Здесь и далее примеч. пер.

Раз уж эта история разворачивается в действительно существующем месте, к тому же вполне реалистично описанном, необходимо подчеркнуть, что все персонажи вымышлены и никак не связаны с ныне живущими людьми, равно как и колледж, отель и театр, где происходят основные события. Репертуарная труппа, которую я изобразил, не имеет отношения ни к оксфордской, ни к любой иной, известной мне.

Э.К.

Глава 1

ПРОЛОГ НА ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГЕ

Ты напитал ли ядом их, аптекарь, —
Так, чтобы смерть таил единый вдох?

*Марло...**

Для путешественника неискушенного Дидкот предвещает скорое прибытие в Оксфорд, а более опытным сулит терпеть скуку, от которой никуда не деться еще по меньшей мере полчаса. А именно на эти два типа делятся все путешествующие поездом. Первые начнут стаскивать, с извинениями, свой багаж с полки на сиденье, где он будет мешать всем до конца пути, неожиданно подставляя острые углы. Вторые продолжают хмуро смотреть в окно на безбрежные леса и поля, в которых, по непостижимой прихоти какого-то полоумного божка, затерялась станция, и на ряды товарных вагонов, сбившихся сюда со всей страны, словно тот остров из затерянных кораблей, что, по расхожей легенде, обретается где-то посреди Саргассова моря. Несмолкающий аккомпанемент невнятных бормотаний и возгласов во время остановки, вкупе со скрежетом дерева и металла, звуков, достойных ранних часов Вальпургиевой ночи на небольшом кладбище, заставляет пассажиров с воображением побогаче предположить, что прямо сейчас поезд разбирают по частям и собирают вновь. Задержка в Дидкоте, как правило, длится от двадцати минут и более.

* Марло К. Парижская резня (1593). — *Здесь и далее стихотворные цитаты и эпиграфы в пер. А. Калининой, если не указано иное.*

Затем следует около трех *fausses sorties**, сопровождаемых жутким грохотом и встряской всего состава, ввергающих пассажиров в состояние покорной беспомощности. С бесконечной неохотой кортеж наконец отправляется, очень неспешно неся свой понурый груз по плоской равнине. Удивления достойно, сколько еще заброшенных станций и полустанков существует на пути в Оксфорд, и всюду состав будет останавливаться, задерживаясь порой безо всякой причины, ибо ни единой души, пытающейся выйти из поезда или сесть на него, не наблюдается. Быть может, проводник ждет какого-то запоздалого путника, спешащего по дороге к станции, или заметил местного обитателя, заснувшего в углу, и не желает его будить, или же корова зашла на железнодорожные пути, или семафор велит остановиться — хотя, если попытаться выяснить это, окажется, что ни о корове на путях, ни о сигнале семафора — *pro* или *contra* — и речи нет.

Ближе к Оксфорду, когда наконец открывается вид на канал или, скажем, на *Том-Тауэр*** , становится чуть веселей. Наконец-то начинает чувствоваться, что ваше движение имеет цель, и необходимо собрать всю силу воли, чтобы усидеть на месте, не схватить шляпу и пальто, оставить багаж дожидаться на полке, а билет во внутреннем кармане. Наиболее оптимистичные из пассажиров уже выбирают коридоры. Однако поезд наверняка остановится прямо перед въездом на вокзал (массивная стена газоперерабатывающего завода с одной сторо-

* «Ложных выходов» (*фр.*).

** *Том-Тауэр* — надвратная башня-колокольня оксфордского колледжа Крайст-Чёрч.

ны, кладбище — с другой) и будет там мешкать с дьявольским упорством, издавая время от времени вскрики и стоны, словно некрофил в пароксизме наслаждения. Вас охватывает чувство острой, досадной безысходности. Вот он, Оксфорд, там, несколькими ярдами далее, станция, а поезд — здесь, а по рельсам ходить пассажирам не разрешается, даже если кто-то из них и готов рискнуть. Танталовы муки испытываешь сполна. Эта интерлюдия *memeto mori*, во время которой железнодорожная компания заботливо напоминает юношам и девушкам в расцвете сил об их неминуемом превращении во прах, длится около десяти минут, после чего поезд неохотно прошествует на станцию, столь метко окрещенную Максом Бирбомом* «последним пережитком Средневековья».

Если кто-то из путешественников и вообразил было, что это конец мучений, он заблуждается. По прибытии, когда даже самые скептически настроенные пассажиры начинают продвигаться к дверям, внезапно обнаруживается, что поезд вовсе не на платформе, но стоит на одном из центральных путей. На платформах по обе стороны состава суетятся друзья и родственники, перед которыми в самую последнюю минуту, предшествующую воссоединению, вдруг воздвиглось такое препятствие. Они мечутся туда-сюда, машут руками, что-то коротко выкрикивают или стоят с мрачными, озабоченными лицами, пытаясь отыскать глазами тех, кого должны встретить. Как если бы лодка Харона накрепко завязла на середине Стикса, не имея воз-

* *Бирбом М.* (1872–1956) — английский писатель, художник-карикатурист, книжный иллюстратор.

возможности ни добраться до мертвых, ни вернуться к живым. Тем временем в поезде толчки его внутренней сейсмической активности повергают пассажиров и их багаж на пол коридоров, превращая в беспомощно вопящую массу. Через несколько мгновений ожидающие на платформе с удивлением наблюдают, как поезд удаляется в направлении Манчестера, выпустив на прощанье облако зловонного дыма. Наконец, дав задний ход, он возвращается, и — о чудо! — путешествие завершается.

Пассажиры неловко проталкиваются сквозь турникеты и расходятся в поисках такси, которые в военное время берут плату, невзирая ни на чины, ни на возраст, ни на высокое положение, но в строгом соответствии со своей собственной логикой. Толпа людей редет и рассеивается по закоулкам хитросплетения улиц, полных реликвий, памятников, церквей, колледжей, библиотек, гостиниц, пабов, лавок портных и книжных магазинов, из чего и состоит весь Оксфорд. Более мудрые безотлагательно отправляются на поиски выпивки, более стойкие, преодолевая препятствия, устремляются к своей основной цели. От всей этой толкотни в конце концов остается только несколько одиноких персонажей, сошедших с поезда, чтобы сделать пересадку, и в ожидании грустно слоняющихся по платформе среди молочных бидонов.

Одиннадцать человек, которые в течение недели, с четвертого по одиннадцатое октября тысяча девятьсот сорокового года, в разное время и с разной целью, отправились с вокзала Паддингтон в Оксфорд, на вышеописанные мучения реагировали по-разному.

Джервейс Фен, оксфордский профессор английского языка и литературы*, откровенно изнывал от бездействия. Он и обычно-то не отличался терпением, но медленный ход поезда и вовсе ввергал его в смятение. Он кашлял и стонал, зевал и переставлял ноги, ерзал всем своим долговязым, нескладным телом в углу, в котором сидел. Его жизнерадостное, румяное, чисто выбритое лицо стало еще розовее, чем обычно. Темные волосы, старательно уложенные мокрой расческой, начали выбиваться на макушке предательскими прядками. Обычный переизбыток энергии, заставлявший его брать на себя всевозможного рода обязательства, а потом хмуро жаловаться, что он перегружен работой, а никому до этого нет дела, в данных обстоятельствах только мешал. Его единственным развлечением была одна из собственных книг, посвященная второстепенным сатирикам восемнадцатого века, которую он добросовестно перечитывал, дабы вспомнить, каковы его соображения об этих авторах. Само собой разумеется, от всего этого во второй половине пути Джервейс почувствовал себя глубоко несчастным. Он возвращался в Оксфорд с одной из тех многочисленных образовательных конференций, растущих как грибы, которые решают судьбу того или иного учреждения и чьи постановления, если таковые имеются, забываются через два дня после заверше-

* Джервейс Фен в романах Криспина занимает престижную кафедру английского языка и литературы в Оксфорде, вымышленную, но, по-видимому, соответствующую действительно существующей кафедре английского языка и литературы при Мертон-колледже, которую во время действия романа занимал Генри Сесил Уайлд, а позже — Дж. Р. Р. Толкин.

ния их работы. Пока поезд тащился вперед своим черепашьим ходом, Джервейс со скорбным смирением обдумывал цикл лекций об Уильяме Данбаре*, который он должен был читать. Выкуривая одну сигарету за другой, он размышлял, дозволят ли ему расследовать еще одно убийство, если таковое случится. Впоследствии он вспоминал это желание не без горечи, ибо оно было исполнено в той парадоксальной форме, которую боги, по всей видимости, находят забавной.

Джервейс ехал первым классом, поскольку всегда хотел иметь возможность путешествовать таким образом, но в данный момент даже это приносило ему мало радости. Уколы совести нет-нет да и заставляли его сожалеть об этой демонстрации относительного достатка. Но какое-никакое моральное оправдание этому ему все же удалось придумать — а именно шаткий экономический довод, который он выдал экспромтом, к удивлению одного знакомого, неразумно попрекнувшего его снобизмом. «Старина, — отвечал Джервейс Фен, — железнодорожная компания имеет определенные эксплуатационные расходы. Если те из нас, кто может себе это позволить, откажутся путешествовать первым классом, плата за билет третьего класса вырастет, и пользы от этого не будет никому. Сначала измените свою экономическую систему, — внушительно добавил он, обращаясь к несчастному, — тогда и проблема такая исчезнет». Позднее он с радостью прибегнул к этому аргументу в разговоре с профессором экономики, который, к огорчению Джервейса, в ответ

* *Данбар У.* — крупнейший шотландский поэт XVI в. Родился в 1460 г., дата и место смерти в точности неизвестны.

издал только какое-то невразумительное бормотание, исполненное, однако, сомнения.

Теперь, когда поезд остановился в Калхэме, Джервейс зажег сигарету, отложил книгу и тяжело вздохнул.

— Преступление! — пробормотал он. — Великолепное, восхитительно запутанное преступление!

Затем он принялся придумывать и моментально разоблачать воображаемые злодеяния.

Шейла Макгоу, занимавшаяся постановкой пьес в репертуарном театре Оксфорда, путешествовала третьим классом. Она поступала так, поскольку считала, что искусство, прежде чем вновь сможет стать жизненным, должно вернуться к народу, вследствие чего решила продемонстрировать фермеру, сидевшему напротив, книгу, посвященную сценографии Гордона Крэга*. Шейла была высокой девушкой, в брюках, с острыми чертами лица, крупным носом и прямыми, белыми как лен волосами, постриженными каре. Фермера, кажется, не особенно интересовали приемы современной драматургии. Анализ отрицательных сторон вращающейся сцены не смог его увлечь. Он не проявил никаких эмоций, за исключением секундного отвращения в тот момент, когда услышал, что в Советском Союзе актеров именуют «заслуженными и народными артистами» и Иосиф Сталин выплачивает им крупные суммы. Когда в ход был пущен Станиславский, фермер, не видя возможно-

* *Крэг Г.* (1872–1966) — английский театральный режиссер, актер, художник.

сти бегства, вышел из оборонительной позиции и предпринял фланговый маневр, принявшись описывать методы, применяемые в фермерстве. В нем пробудился энтузиазм, когда он рассказывал о силосе, прививании коров, о головне, ржавчине и других болезнях злаковых растений, о сетчатой бороде усовершенствованного вида и тому подобном. Дотошно входя во все тонкости, он порицал деятельность Министерства сельского хозяйства. Эта тирада длилась до тех пор, пока поезд наконец не приехал в Оксфорд, и тогда фермер тепло распрощался с Шейлой и ушел, слегка удивленный собственным красноречием. Шейла, несколько опешившая от этого страстного монолога, в конце концов, прибегнув к своего рода самогипнозу, сумела убедить себя, что все это было очень интересно. Она с сожалением подумала, что, каким бы правдоподобным ни казалось ей это раньше, увы, фермерская жизнь на самом деле имеет маловато общего со «Страстью под вязами» Юджина О'Нила*.

Роберт Уорнер ехал вместе с Рэйчел Уэст — любовницей-еврейкой — на премьеру своей новой пьесы «Метромания» в репертуарном театре Оксфорда. Друзья Роберта были в некотором роде шокированы, что ему, столь известному драматургу-сатирику, приходится ставить свою пьесу в провинции, но в пользу этого имелись кое-какие веские доводы. Во-первых, последняя лондонская постановка Роберта, несмотря на его репутацию, не увенчалась успехом, и администрация театра, кассы

* *О'Нил Ю.* (1888–1953) — американский драматург.

которого в результате Лондонского блица* порядком опустели, стала необычайно осмотрительной. Во-вторых, новая пьеса содержала несколько экспериментальных приемов, в будущем успехе которых Роберт был не вполне уверен. Со всех точек зрения, пробный показ казался необходимым, и по причинам, в которые я не буду сейчас вдаваться, выбор пал на Оксфорд. Роберт сам стал продюсером пьесы, поставив ее при участии обычного состава труппы, но с Рэйчел, чья слава в Уэст-Энде сулила великолепные кассовые сборы, в главной роли. Роман Роберта и Рэйчел был дружеским и давним, а за последний год их отношения стали почти платоническими. Общие интересы, искреннее взаимное уважение и симпатия еще больше укрепили их связь. Миновав Дидкот, Рэйчел и Роберт погрузились в молчание. Роберт приближался к сорокалетию, у него была копна жестких черных волос, одна прядь которых свисала на лоб. За тяжелыми очками в роговой оправе блестели внимательные, умные глаза. Долговязую, чуть разболтанную фигуру облакал неприметный темный костюм. Но в его манере держаться чувствовалась властность, а движения производили впечатление суровости, почти аскетизма. Все задержки в поездке он встречал с самообладанием бывалого путешественника и вставал только один раз — в уборную. Идя по коридору, он увидел Изольду и Хелен Хаскелл, сидевших через два или три купе, но поспешил пройти мимо, не пытаясь с

* *Лондонский блиц* — бомбардировка Великобритании Германией в период с 7 сентября 1940 г. по 10 мая 1941 г. На момент начала действия романа, таким образом, блиц продолжается уже около месяца.